

Андрей Ра

Ринго

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Ра

Гниль

«Автор»

2026

Ра А.

Гниль / А. Ра — «Автор», 2026

Восемь человек. Восемь осуждённых, которым некуда возвращаться. Списанные обществом люди, на списанном корабле, слишком большом для восьмерых и планета, которую никто не исследовал. Экипаж «Иркаллы» отправляется к К-447b — миру, где нет ничего, кроме спор. Для каждого на борту это последний шанс: за спиной срок, впереди — неизвестность. Но чем дальше они углубляются в миссию, тем яснее становится: главная угроза не на планете. Она уже среди них. Гниль внутри и гниль наружи, кто ты есть то и будет наружу. Птицы улетают, но корни растут.

© Ра А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Иркалла	5
Глава 2. Полёт	12
Глава 3. Гнилушка	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Андрей Ра

Гниль

Глава 1. Иркалла

Запах ударил сразу за шлюзовым уплотнителем, спёртый, многослойный, как в подвале, который не открывали лет двадцать. Потому что его почти и не открывали. Двадцать лет консервации, и теперь «Иркалла» дышала им в лицо всем, что скопила за эти годы: пылью, старой изоляцией, застоявшейся смазкой и чем-то ещё, едва уловимым, химическим, похожим на формальдегид.

Мэл Росс перешагнула комингс, подошвы ботинок впечатались в рифлёный металл палубы грузового отсека. Челнок «Калипсо» стоял позади, ещё тёплый после стыковки, деконтаминационная пена шипела в тамбуре, смывая с одежды несуществующую заразу.

— Ну и вонища, — раздалось за спиной.

Иван Волков выбирался из тамбура, огромный, заплывший жиром, с рыжевато-каштановыми волосами, собранными в жидкий хвост на затылке. Дышал тяжело, серо-голубые глаза слезились. Борода, курчавая, с проседью, намокла от пота. Одной рукой он придерживал рюкзак, другой цеплялся за поручень, и тот жалобно скрипел под его весом.

— На военных кораблях хоть вентиляция нормальная, — пробасил он, оглядываясь. — А тут... ты чувствуешь, командир? Формальдегидом несёт или ещё какой дрянью.

— Консервант. Заливали перед консервацией. Выветрится, — озвучила она очевидное.

— А если не выветрится?

— Тогда будем дышать формальдегидом, — спокойно заключила Мэл.

Механик фыркнул, вытер лоб рукавом и двинулся вглубь отсека. Луч его фонаря, штатное освещение ещё не запустилось, выхватил из темноты штабеля ящиков, катушки кабеля, бочки с реагентами и что-то громоздкое, затянутое серым чехлом. Грузовой отсек забили под завязку, корпорация «Аструм-Ресурс» не мелочилась, но всё равно трюм казался пустым. Корабль был слишком большим для восьми человек.

Грета Мюллер вошла следом, коренастая, плотная, с коротким седым ёжиком на голове. Остановилась у входа, обвела отсек выцветшими голубыми глазами и сразу же заметила медицинские кофры у дальней стены. Подошла к ним и опустилась на одно колено, щёлкнула замками один за другим. Ампулы с цветными колпачками легли ровными рядами, женщина принялась пересчитывать их.

Позади зашипело громче, деконтаминация закончилась, зелёная лампа зажглась над внутренней дверью. Оксана Кесаева вышла, не дожидаясь никого и сразу сплюнула на палубу коричневую слюну, геолог жевала табак всю дорогу. Растёрла плевок подошвой ботинка. Пепельно-русые волосы торчали в стороны, лицо грубое, с тяжёлой челюстью. Серые глаза смотрели холодно, оценивающе. На шее, чуть выше воротника, краснело пятно, расчёсанное, с корочкой.

— Как называется эта посуда? — спросила Кеса, голос не выражал энтузиазма.

— «Иркалла», — ответила командир.

Женщина задумалась, пожала плечами, почесала пятно, её ногти оставили белые полосы на воспалённой коже, и направилась к контейнерам с маркировкой геологического оборудования.

Жан-Поль Ренар, которого все сокращали до Жэпэ, выбрался следом и остановился на мгновение, глядя вслед геологу. Копна русских кудрей обрамляла узкое остроносое лицо с рос-

сыпью бледных веснушек на переносице. Светло-карие, почти жёлтые глаза блеснули в полумраке. Он проводил взглядом бедра Кесаевой и растянул губы в широкой, обаятельной улыбке.

— Однако, — протянул связист, ни к кому не обращаясь. — С таким персоналом можно и задержаться.

— Ренар, — голос Мэл прозвучал сухо. — Займись делом.

— Уже бегу, командир, — улыбка его стала ещё шире.

Саид Хашид вышел молча, худощавый, поджарый, с чёрными волосами, зачёсанными назад так тщательно, что ни один не выбивался. Левое веко подрагивало в нервном тике. Марсианин придержал зачёс ладонью и сразу направился к лестнице на верхнюю палубу, в навигационную рубку.

Хавьер Ортега появился следом. Единственный, кто пришёл уже в рабочем комбинезоне, потёртом, но чистом. Здоровый детина, почти под два центнера весом, с лицом, изрезанным морщинами, и перебитым, криво сросшимся носом. Мужчина ни на кого не взглянул, прошёл к штабелю с бочками реагентов, взял две штуки разом, каждая килограмм по тридцать, не меньше, и понёс к дальней стене.

Юки Танака вышла последней. Маленькая, сухая, с чёрными волосами до ключиц и зеленоватыми глазами. Лабораторный халат нараспашку поверх гражданской одежды, биолог накинула его ещё в челноке, по привычке, и оглядывала отсек. Под глазами залегли тёмные круги. Пальцы с обкусанными до мяса ногтями и тёмной каймой запёкшейся крови у кутикулы сжимали планшет в потёртом коричневом чехле. Девушка подняла голову и нахмурилась.

Старая вентиляционная решётка под потолком, с потёками ржавчины, за ней что-то темнело. То ли грязь, то ли плесень. Биолог сунула планшет под мышку, достала из нагрудного кармана фонарик, осветила. Луч выхватил серый налёт, похожий на паутину.

— Плесень? — спросила Мэл.

— Пока не знаю, — голос у Юки был тихий, без интонаций. — Может быть что угодно. Плесень, высохшая пена, остатки изоляции. Нужен соскоб.

— Займись, но сначала размещение и запуск систем.

Азиатка кивнула, но взгляда от решётки не отвела. Трюм высокий, сама не достанет. Обернувшись, ища глазами, на что забраться, и увидела, что Хавьер уже стоит рядом, молча поставил стремянку, придержал её за боковины. Юки достала из лабораторного кофра пробирку и скальпель, поднялась наверх и принялась соскребать налёт. Движения точные, выверенные, так работают люди, которые провели в лаборатории больше времени, чем в собственной постели.

Кеса уже вскрыла контейнер и сидела перед ним. Мазнула взглядом по потолку, где над ящиками проходил старый гофрированный воздуховод, проржавевший до дыр. На стыке двух секций темнело что-то чёрное, маслянистое, похожее на засохшую смолу, но с зеленоватым отливом.

— Юки, там ещё какая-то блевотня, по твоей части, — указала геолог пальцем.

— Похоже на аспергилл, — тихо произнесла Танака, спустившись со стремянки и подойдя ближе. — Или местная дрянь, которую занесло до консервации. Надо брать пробу.

— На хера? — женщина вновь сплюнула на палубу. — Оно дохлое. Двадцать лет как.

— Плесень может впадать в анабиоз и ждать, — спокойно пояснила девушка.

— Ждать чего?

— Подходящих условий, — пожала азиатка плечами.

Кесаева посмотрела на неё снизу-вверх и ничего не сказала и вернулась к своим бурам. Биолог ещё секунду разглядывала воздуховод, потом убрала пробирку в кофр и направилась к выходу из трюма. Пора было осваивать лабораторию.

Мэл оставила разбредающуюся команду и поднялась на среднюю палубу. Коридор опоясывал кают-компанию кольцом, широкий, с десятью дверями кают по одной внешней стороне,

с другой стороны находился лазарет, а прямо напротив лестницы в трюм и рубку через кают-компанию находилась лаборатория. Стены из серого пластика, местами пожелтевшего. Пол рифлёный металл, холодный даже через подошву ботинок. Пахло везде пылью и старой плесенью. Свет горел вполне, Иван ещё не запустил основное освещение, жёлтые аварийные лампы заливали коридор жидким, неживым сиянием.

Пятую каюту Мэл выбрала молча, ровно посередине, чтобы в случае чего успеть в любую сторону. Бросила сумку на койку, села, не раздеваясь, и стала слушать.

Вентиляция гудела низко, басовито, с каким-то подвыванием на верхних частотах, словно в воздуховодах застрял бумажный пакет. Переборки пощёлкивали, металл разогревался неравномерно, шпангоуты, простоявшие двадцать лет без нагрузки, жаловались на тепло. Где-то далеко, в машинном отделении, мерно стучало, стук отдавался в пятках, поднимался по костям. Механик запустил реактор. Стук был ровным, ритмичным, правильный звук, признак того, что система охлаждения заработала.

Сквозь привычный ритм пробился другой, тише, мягче, настойчивее. Звук шёл из района шестой каюты и походил на то, как если бы кто-то раз за разом бил ладонью по металлической переборке. Не сильно, но настойчиво.

Мэл открыла глаза. Подошла к стене, прижалась ухом к холодному пластику. Тишина, потом — шлёп. Совсем близко, в полуметре от лица. Ладонь по металлу, мягкая, широкая, тяжёлая ладонь.

Командир вышла в коридор и едва не столкнулась с Юки. Биолог стояла у двери шестой каюты, как привидение, с планшетом в одной руке и сигаретой в другой. Дым поднимался к потолку, слоился под жёлтой лампой.

— Ты что-то слышала? — спросила Росс.

— Стук в переборке, в районе пятой или шестой, — кивнула Танака.

Мэл шагнула к двери, потянула ручку. Та подалась с мягким щелчком. Внутри темнота, густой и сухой запах пыли двадцатилетней давности. Луч фонаря выхватил пустую койку, пустой стол, пустой шкаф с распахнутой дверцей. На полу ровный слой серой пыли.

— Никого.

— Ожидаемо, — азиатка затянулась, выпустила дым через нос. — Усадка металла.

— Я всю жизнь в космосе и двадцать лет на кораблях, — командир закрыла дверь, повернулась к биологу. — Это не усадка. Усадка звучит иначе, сухо, часто, как пальцы по столу, а это одиночные удары, мягкие. Так бьёт ладонь и так бьёт подшипник, если вкладыш менять пора. В машинном что-то вибрирует на резонансной частоте, звук передаётся через шпангоуты в жилую зону. Старые корабли всегда так звучат.

— Если ты в курсе уже, тогда чего проверяла? — Юки сделала очередную затяжку.

— Потому что так положено, — спокойно ответила Мэл.

Росс задержала взгляд на сигарете.

— Курить в зонах общего пользования запрещено. Это приказ.

Танака медленно и демонстративно затянулась ещё раз. Выпустила дым через нос.

— Принято.

Затянулось напряжённое молчание, командир ждала, что она потушит. Биолог ждала, что та уйдёт. Первой сдалась Юки, затушила сигарету о переборку, оставив на сером пластике тёмный след, убрала окурки в пустую чашку Петри, которую достала из кармана халата.

— Ты в какой каюте? — спросила Мэл.

— В седьмой, — ответила собеседница.

— Почему не в десятой? Ближе к лаборатории же.

— Семь — счастливое число, — пожала азиатка плечами.

Командир Росс просто кивнула. Суеверие биолога её не удивляло, она и не такое видела за двадцать лет службы. Люди верили во что угодно, лишь бы создать иллюзию контроля над тем, что контролю не поддавалось.

Танака развернулась и пошла к седьмой каюте. Дверь закрылась с тем же мягким щелчком. Мэл осталась в коридоре одна, стук больше не повторялся.

В машинном отделении воздух был плотным и горячим, с металлическим привкусом реакторного теплоносителя и кисловатой нотой старой смазки. Пол под ногами вибрировал мелкой непрерывной дрожью, где-то в глубине корпуса раскручивался основной ротор.

Волков стоял перед главным распределительным щитом, уперев руки в бока и задрал голову. Стена из серых панелей с облупившейся краской и тусклыми индикаторными лампами, штук сорок, из которых горело от силы пятнадцать. Каждая молчащая лампа означала какую-нибудь систему, которая либо не запустилась, либо работала неправильно, либо просто сдохла за двадцать лет ожидания.

Механик потянулся к верхнему ряду индикаторов, но пальцы не дотянулись, слишком высоко. Ногой подтащил небольшой ящик, взгромоздился на него и потянулся снова.

— Стой, сука! — воскликнул он.

Ящик хрустнул, развалился под ним, Иван рухнул на задницу. Грохот прокатился по машинному, отразился от стен и замер где-то в районе реакторного отсека.

— Говно, — сообщил Волков потолку, затянутому сеткой кабельных лотков. — Не корабль, а ведро с болтами.

Поднялся с третьей попытки, отряхнул зад и снова уставился на щит. Две лампы, которые горели минуту назад, теперь подмигивали, медленно, с ленцой. Система терморегуляции жилого блока и система рециркуляции воды.

— Нет, — хмуро проворчал он на них. — Не пойдёт. Мне командир через пару часов мозг выебет, если вы, суки, не заработаете.

Лампы мигнули в ответ, но ничего не изменилось. Механик вздохнул, вытер лоб рукавом и открыл нижнюю панель щита. Внутри старые механические реле с подгоревшими контактами, покрытые зеленоватым окислом. Несколько штук просто выпали из гнезд, когда он коснулся их пальцем.

— Прекрасно. Просто прекрасно. Двадцать лет, блядь. Двадцать лет это говно тут лежало и ржавело, а теперь я должен из этого собрать работающую систему.

Он уселся на пол и принялся вытаскивать реле одно за другим. Каждое осматривал на свет, крутил в толстых пальцах, иногда дул на контакты, привычка из тех времён, когда он ещё верил, что от этого бывает толк. Толку никогда не было. Контакты же крошились от прикосновения.

— Пациент скорее мёртв, чем жив, — хмыкнул тот. — Да хер там пел старушка. У меня запчастей на два таких ведра, как ты. Будем лечить.

За спиной скрипнула дверь. Хавьер молча вошёл с двумя пластиковыми ящиками, поставил их на палубу, кивнул.

— О, — оживился Иван. — Запчасти. Слушай, здоровяк, у тебя там реле управляющие есть? Мелкие такие, с серебристыми контактами? Мне штук десять надо, иначе экипаж будет мыться холодной водой, спать и срать при пятнадцати градусах.

Грузчик посмотрел на него, в тёмных глазах ничего не читалось. Присел перед ящиком, открыл крышку, стал перебирать содержимое. Огромные руки с поломанными суставами двигались аккуратно, брал каждое реле, подносил к глазам, читал маркировку и либо откладывал, либо возвращал обратно. Волков наблюдал за ним с минуту, потом не выдержал:

— Ты, я гляжу, всё делаешь так, будто у тебя впереди вечность.

— Остальные позже, — произнёс Ортега, кладя перед механиком пять реле ровным рядом, на одинаковом расстоянии друг от друга. — Принесу.

— Ладно. Уболтал, — усмехнулся Иван, подтягивая к себе запчасти.

Грузчик кивнул, поднялся и вышел так же бесшумно, как появился. Волков проводил его взглядом, покачал головой, похлопал ладонью по переборке. Сухой, тёплый металл отозвался глухим гулом.

— Ну, давай, старушка. Не подведи. Я тебя в обиду не дам, а ты меня. Договорились?

Переборка молчала, механик хмыкнул и полез в щит. Через полчаса запустил систему терморегуляции, ещё через пятнадцать минут рециркуляцию. Лампы на щите зажглись ровным зелёным светом, не все, но для комфорта достаточно. Вытерев руки о штаны, оглядел дело своих рук и кивнул с усмешкой:

— Ну, можешь пока пожить, а там посмотрим

Машинное не ответило. Только вентиляция утробно вздохнула где-то под потолком, по корпусу прокатилась долгая, низкая вибрация, корабль просыпался.

Юки переделась в каюте в стандартный рабочий комбинезон, накинула сверху лабораторный халат и вышла в коридор. Лаборатория находилась дальше по нему от кают, небольшое помещение, заставленное ещё при консервации стандартным оборудованием: два анализатора старой модели, микроскоп с разбитым окуляром, центрифуга под пластиковым кожухом и вытяжной шкаф с мутным стеклом. Стены здесь были белыми, но за двадцать лет белый превратился в желтовато-серый.

Она остановилась на пороге. Стеллажи с реактивами: часть склянок потрескалась, часть помутнела. Пахло иначе, чем в остальных отсеках, с примесью осевшей химической пыли и ещё чего-то, отдалённо напоминавшего уксусную кислоту.

Биолог прошла к центральному столу, провела пальцем по столешнице, на нём осталась тёмная полоса в пыли. Весь полёт теперь отмывать до стерильного блеска. Девушка вздохнула и открыла планшет. Тридцать четыре пункта: проверка герметичности, калибровка анализаторов, инвентаризация реактивов и ещё много чего, неспешно принялась за первый.

За спиной послышались тяжёлые, но тихие шаги. Хавьер стоял в дверях с двумя кофрами, один с маркировкой биологических контейнеров, второй с комплектом микробиологических зондов. Ждал на пороге.

— Поставь у стены, — Танака махнула рукой в сторону дальнего стеллажа. — Там свободно.

Мужчина прошёл к стеллажу, поставил кофры один на другой, аккуратно, без стука. Оглядел полки, переставил какую-то коробку, которая, по его мнению, стояла не на месте, снова повернулся к ней.

— Там ещё герметичные контейнеры для проб, в грузовом отсеке, — не отрываясь от планшета, проговорила биолог. — Ящик с маркировкой «Био-4», запасной центрифужный ротор и набор реактивов, синий вроде бы ящик.

Ортега кивнул, просто медленно наклонил голову и вышел. Юки выдохнула и первым делом вытащила из нагрудного кармана пачку. «Лаки Страйк», мягкая, уже вся измятая. Зажигалка висела в чехле на поясе, старая, с почти стёршейся эмблемой наркокартеля на корпусе. Азиатка провела большим пальцем по ней, незваное воспоминание пришло, как всегда напомнить о старых ошибках: душное подполье, грязные деньги, собственная дрожь в пальцах. Биолог сжала зажигалку.

«Новая жизнь. Новая жизнь. Шанс, что выпадает не каждому».

Она хранила эту вещь как напоминание, и зажигалка отменно работала во всех смыслах. Открыла крышку, чиркнула колёсиком. Огонёк вспыхнул. Затянулась, горячая сухая волна вошла в лёгкие, на секунду пальцы перестали дрожать.

«Кофе бы сейчас. Горячего, чёрного, без сахара».

Девушка достала из рюкзака старую лабораторную кофеварку, переделанную ещё во время институтской практики из колбы Бунзена, с нагревательной спиралью от сгоревшей центрифуги. Спираль нагрелась, колба булькнула, и тёмная жидкость заполнила приёмную чашку. Запах кофе перебил лабораторную химию, горький, живой, настоящий. Танака стряхнула пепел и принялась за кофры.

Зонды в стерильной упаковке целые. Чашки Петри без сколов. Портативный анализатор нуждался в калибровке. Движения были быстрыми и точными, отработанные до автоматизма годами. Она не думала о работе, просто работала, в этом монотонном процессе мысли успокаивались, переставали скакать. Дверь скрипнула снова. Грузчик вернулся, синий ящик в одной руке, контейнерный бокс в другой, ротор от центрифуги в пупырчатой плёнке под мышкой. Вновь встал на пороге в ожидании.

— Синий ящик на стол. Контейнеры под стеллаж. Ротор в верхний шкаф, — распорядилась биолог.

Хавьер всё расставил, медленно и аккуратно. Потом оглядел лабораторию, задержал взгляд на девушке, та поёжилась, хладагент гудел на полную, и молча вышел. Через минуту вернулся с серым шерстяным пледом. Положил его на свободный стул и ушёл, не сказав ни слова.

— Спасибо, — произнесла Танака в пустоту, посмотрев на плед, а после на дверь.

«Странный он», — подумала азиатка, накидывая плед на плечи.

Хавьер не был похож на человека, сидевшего за кражу. Ни уголовной хитрецы, ни тюремной озлобленности, только тишина. Всё, что девушка знала о нём, умещалось в строчку бортового реестра: кража в особо крупных, условно-досрочное. Биолог глотнула кофе и вернулась к работе, потеряв всякий интерес к грузчику. Они все тут странные, и у всех свои скелеты в шкафу.

Кают-компания была круглым помещением в центре средней палубы. Вдоль стен стояли столы из серого пластика, привинченные к полу. Кресла с высокими спинками, обтянутые потрескавшимся дерматином. Голографические панели на стенах, сейчас тёмные, мёртвые, похожие на затянутые бельмом глаза. У дальней стены массивный холодильник, старый, но, судя по тихому гудению, живой. В углу комплекс кухни: электроплита, духовая печь, микроволновка, кофеварка, мойка, набор посуды в закрытом шкафу.

К двадцати ноль-ноль по бортовому времени здесь собрались все.

Иван пришёл последним, пропахший машинным маслом и теплоносителем. Рухнул в кресло, надрывно откашлялся. Грета, сидевшая за соседним столом, поморщилась и демонстративно пересела на два кресла дальше. В руках у неё дымились кружка, пальцы, жёлтые от никотина, чуть подрагивали.

— Реактор запущен, — доложил механик. — Основное освещение будет через двадцать минут. Горячая вода через час. Кухня сдохла, всё придётся готовить на газовой плите.

— На газовой, — повторила Грета без выражения и закатила глаза. — Великолепно.

— Ну хоть гравитация есть, — Саид сидел вполоборота к остальным, навигаторский планшет лежал перед ним. — Уже что-то.

Мэл обвела взглядом экипаж. Кеса развалилась в кресле, закинув ногу на ногу, ковыряла ногтем пятно на шее. Жэпэ насвистывал что-то под нос, разбирая переходник. Хавьер устроился за дальним столом и резал кусок обшивочного пластика, нож ходил медленно, аккуратно, стружка падала на стол. Грета прихлёбывала кофе, не сводя глаз с Ивана. Юки устроилась в дальнем углу, уткнулась в планшет, пальцы с обкусанными ногтями бегали по экрану. В другой руке дымилась сигарета, перед ней стояла кружка с чёрным кофе.

Восемь человек. Восемь осуждённых, которым некуда возвращаться. Сброд. Никакой дисциплины, никакой субординации. Росс привыкла к уставу, к подчинению, к тому, что приказ выполняется мгновенно и без вопросов, а здесь ни намёка на команду. Взгляд её упал на сигарету в руке биолога.

— Танака. Потушить, — процедила женщина.

Азиатка подняла голову, посмотрела на командира, потом на сигарету, вновь демонстративно затаилась.

— Здесь кают-компания.

— Приказ был для всего корабля, — Мэл не повысила голос, но он прозвучал так, что даже Иван перестал кашлять. — Потушить.

Биолог затушила сигарету о край стола и бросила окурочек в чашку Петри, стоявшую перед ней.

Кеса хмыкнула, почесала пятно на шее.

— А где тогда вообще можно?

— В каютах, в сортире так и быть. В остальных местах нет.

Геолог перевела взгляд на Юки, та уже ни на что не обращала внимания и уткнулась в планшет.

— До орбиты планеты нам лететь неделю, — произнесла командир. — За это время приводим отсеки в порядок. Иван, машинное чтобы работало как часы, через трое суток доложишь. Жэпэ, связь чтобы тоже работала через трое суток максимум. Саид, орбита и курс, следи, чтобы эта рухлядь не унесла нас на другой конец вселенной. Грета, лазарет чтобы был готов к приёму через сутки.

Медик посмотрела на Росс устало и даже с нотой недовольства, но говорить в ответ ничего не стала.

— Хавьер, грузовой отсек разобрать, там старого хлама полно, да и Аструм забили его всяким. Юки, лабораторию подготовить к работе. Кеса, оборудование для бурения и забора проб проверить и распределить по ящикам для удобства. Вопросы?

Вопросов не было и все разошлись по каютам. В коридоре ещё пахло формальдегидом, но к запаху уже начинали привыкать.

Ортега дождался, пока шаги стихнут. Подошёл к седьмой каюте, наклонился, поставил на пол маленькую, неаккуратную, даже грубую, белёсую фигурку, птицу с женским лицом и закрытыми глазами. Оставил у самой двери, так, чтобы Танака увидела её, когда выйдет утром. Выпрямился, секунду выждал, глядя на закрытую дверь, и ушёл к себе, в первую каюту.

Ночью Мэл не спала, лежала на койке, глядя в серый потолок, и слушала. Вентиляция гудела ровно, Иван что-то подкрутил. Переборки пощёлкивали, остывая, где-то далеко, в машинном, мерно стучало. Сквозь этот привычный уже ритм пробивался другой, тише, мягче, настойчивее. Росс закрыла глаза. Впереди была неделя полёта. Неделя, чтобы понять, с кем она летит, и скорее всего пожалеть, что согласилась на этот контракт.

Глава 2. Полёт

Тусклый желтоватый свет в каюте зажёгся по расписанию, безжалостный к невыспавшимся глазам. Юки сбросила одеяло, спустила ноги на холодный рифлёный металл. Тело ныло после вчерашней разгрузки. Азиатка натянула комбинезон, накинула халат и открыла дверь.

Носок ботинка задел что-то лёгкое. Фигурка отлетела к противоположной стене и легла на бок: белёсая, с женским лицом и закрытыми глазами, с не то руками, не то крыльями. Танака присела, подняла её, повертела, рассматривая. Птица или женщина? Не разберёшь. Кто-то оставил у самой двери, и гадать кто, не приходилось. Девушка видела лишь одного человека, кто резал на борту пластик. Она пожала плечами и вернулась в каюту, поставила фигурку на полку у изголовья кровати, рядом с пачкой сигарет. Станный жест, конечно, но в этом грузчике похоже вообще всё было странным.

В кают-компании пахло горелым концентратом. Кеса стояла у плиты и встряхивала сковороду. Комбинезон у неё был снят до пояса и подвязан на бёдрах за рукава, серая майка обтягивала угловатые плечи, лопатки ходили под тканью. Жэпэ сидел за столом и наблюдал за женщиной, подперев подбородок ладонью.

— Сам готовить не пробовал? — бросила Кесаева через плечо.

— А зачем, если ты так хорошо справляешься? — он растянул губы в улыбке.

— Затем блядь, что я тебе не кухарка, — огрызнулась она.

— Жаль-жаль, — обаятельная улыбка стала шире. — Из тебя вышла бы отличная кухарка... и не только.

Геолог резко обернулась вместе со сковородой. Стрельнувший жир зашипел на раскалённой конфорке.

— Готовить вообще-то надо на всех, между прочим. Автоматика всё, пиздец, не работает и кухня сдохла. Так что, либо помогай, либо жри концентраты холодными, — агрессивно процедила Кеса.

— Автоматика? — Жэпэ удивлённо поднял брови. — А разве бородатый её не починил?

— Ты в уши блядь вчера долбился? — она шваркнула сковороду на конфорку. — Нет, не починили и не починят, пока Иван с реле возится. Так что бери нож и режь концентрат или чеши языком в другом месте, пока тебе кудри не повырывали.

Парень поднял руки в примирительном жесте, но улыбка, полная фальши, не исчезла.

— Понял, понял. Уже молчу.

Кесаева ничего не ответила, только сковорода зашипела громче. Дверь с лязгом отъехала в сторону, впуская механика в кают-компанию. Взлохмаченный Иван, с покрасневшими глазами, потянулся к кружке и рухнул в кресло. Грета, уже сидевшая с краю, подняла голову и смерила его взглядом.

— Ты выглядишь как после недельного запора, — кривя верхнюю губу в презрении, проговорила медик.

— От запора у меня ты есть, доктор, — механик усмехнулся и растёр левое запястье. — Как погляжу на твою рожу, так всё, сразу проносит, как фанеру над Землёй.

Женщина поджала губы, отпила из кружки и отвела взгляд, уткнувшись в планшет.

Юки вошла почти бесшумно, в одной руке планшет, в другой кружка с кофе, который она сварила у себя в лаборатории. Села в углу, закинула ногу на ногу, обкусанные пальцы забегали по экрану. Мэл появилась следом, волосы зализаны гелем, комбинезон застёгнут по самое горло, как и требовал устав.

— Задачи те же. Вопросы есть? — спросила командир, усаживаясь на место.

Вопросов к её радости не было. Кеса поставила сковороду на стол, все потянулись за едой.

В лаборатории Танака включила кофеварку, закурила и склонилась над анализатором. Экран мигал, цифры плыли. Калибровка шла туго, прибор был новый, корпоративный, но после перелёта и тряски требовал тонкой настройки.

Дверь открылась без стука. Кесаева стояла на пороге, засунув руки в карманы подвязанного комбинезона. Пятно на шее воспалилось сильнее, корочка лопнула, по краю сочилась сукровица.

— Куришь?

— В лаборатории можно. Вытяжка, — Юки даже не обернулась.

— Я не про приказ, — гостья шагнула внутрь, прикрыла дверь, подошла к столу, упёрлась в него ладонями. — Угости штуккой.

Азиатка молча подвинула к ней пачку. Кеса вытянула сигарету, прикурила от зажигалки биолога. Мелькнула стёртая эмблема на корпусе. Женщина задержала на ней взгляд, но ничего не сказала. Затянулась, выпустила дым в потолок и присела на край стола.

— Синтетика? — спросила она, глядя на тлеющий кончик сигареты.

— Что? — не поняла Танака.

— Ты сидела. Я вижу, — собеседница кивнула на руки девушки. — Пальцы дрожат, ногти обкусаны. Синтетика или опиаты?

Девушка затянулась, выпустила дым через нос и посмотрела на свои руки, они действительно дрожали.

— Синтетика. Сама синтезировала, сама же и подсела, — спокойным тоном ответила она ей.

— Давно?

— Год как в завязке, — ответила биолог. — До этого несколько лет... Лет пять, наверное... нет. Поменьше.

Геолог хмыкнула и стряхнула пепел в чашку Петри, которую собеседница использовала вместо пепельницы.

— Шахтёры в посёлке тоже говном долбились. Те, кто не пил. Я не кололась и не пила. Просто смотрела, как онидохнут.

— Ну им как помогло?

— Нихера, — Кеса затушила окурок о край стола, оставив на пластике тёмный след, бросила его в чашку Петри. — Если будет штырить, глюки там, зови. Я в чувство приводить умею.

— Вряд ли понадобится, — спокойно ответила девушка и не глядя опустила окурок в импровизированную пепельницу.

— Ну, как знаешь, — женщина пожала плечами.

Кесаева прыгнула со стола и вышла, не оборачиваясь, дверь за ней закрылась с мягким щелчком. Танака проводила незваную гостью взглядом и снова склонилась над анализатором.

Через час пришёл Хавьер. Принёс последний ящик из списка, поставил у стеллажа и выпрямился, разминая затёкшие руки. Девушка кивнула в сторону кофеварки:

— Хочешь кофе?

Он кивнул, азиатка налила две кружки. Пили молча, биолог смотрела на меняющиеся параметры экрана анализатора, грузчик смотрел в стену. После вымыл кружку в раковине, аккуратно поставил на место и ушёл. Юки оторвалась от показателей и покосилась на дверь, подумала, что так даже лучше. Не надо напрягаться и поддерживать пустой разговор.

За три дня полёта «Иркалла» обросла бытом. В кают-компании на плите стояла забытая сковорода с остатками вчерашнего концентрата, на столе рассыпались крошки, громоздились грязные кружки, чей-то планшет с погасшим экраном сиротливо лежал у края. Мэл вошла,

оглядела это великолепие и остановилась. На дверце холодильника белел обрывок скотча с запиской: «Мэл, я в машинном. Если что — ори. Иван». Росс сдёрнула записку и смяла.

Через пятнадцать минут в кают-компании стояли все. Командир выдернула их из кают, из лаборатории, даже из душевой, без объяснений, просто приказом по внутренней связи. Кеса привалилась плечом к переборке и демонстративно жевала табак. Жэпэ кутался в расстёгнутый комбинезон, кудри торчали во все стороны. Грета скрестила руки на груди и сидела в кресле, привычно поджав губы. Саид прижимал к груди планшет, левое веко подрагивало. Хавьер стоял у дальнего стола, опустив руки, уже с виноватым видом. Танака держала кружку обеими руками и хмурилась, её явно оторвали от микроскопа. Иван явился последним, пропахший машинным маслом, с ветошью в руке, встал у двери.

Мэл обвела взглядом помещение: грязная посуда, крошки, чужой планшет, и заговорила негромко, но каждое слово падало как гильза на палубу.

— Я понимаю, что это не военный корабль, но и не ночлежка, и не свинарник. Я требую порядка! В жилых отсеках, в рабочих зонах, в сортире. Если я ещё раз увижу грязную посуду на столе, виновный моет камбуз неделю. Если увижу окурки не в пепельнице, виновный драит палубу по всему кораблю. Личные вещи чтоб были в каютах. Рабочие инструменты в отсеках, на своих местах. Это всех касается!

Она выдержала паузу, тишина стояла такая, что слышно было, как потрескивает вентиляция.

— Вопросы есть?

Вопросов по обыкновению не было. Кеса перестала жевать и смотрела на командира с чем-то похожим на уважение. Жэпэ наконец запахнул комбинезон, пряча голую грудь. Грета едва заметно кивнула.

— Разойтись. Иван, задержись.

Экипаж потянулся к выходу. Хавьер вышел последним, бросив короткий взгляд через плечо. Волков остался у двери, переминаясь с ноги на ногу.

— Командир?

Росс подошла ближе и протянула ему смятую записку.

— Доклад лично. Устно. Пришёл, доложил, пошёл работать. Записки на холодильник оставлять будешь, когда на пенсию выйдешь. Понял? — со сталью в голосе разъяснила она ему распорядок.

— Понял, командир, — механик вытянулся, насколько позволяла комплекция. — Разрешите идти?

— Иди.

Он вышел, дверь за ним закрылась. Росс взяла со стола забытый планшет, проверила, Жэпэ, конечно. Отнесёт в рубку, пусть не разбрасывает. Надо будет всё же составить график дежурств по кают-компании, сами они явно не организуются.

В коридоре она столкнулась с Юки. Биолог стояла, прислонившись плечом к переборке, и только что прикурила сигарету. Первая затяжка и дым поплыл к потолку.

— Танака.

Юки обернулась, Мэл кивнула на сигарету.

— Ты помнишь приказ.

— В лаборатории можно там вытяжка. Я как раз туда собиралась, — биолог сделала вторую затяжку. — В коридоре нельзя. Я помню.

— Ты сейчас в коридоре, а не лаборатории, — процедила женщина сквозь зубы очевидное. — Туши.

Азиатка нахмурилась, но спорить не стала, бросила сигарету в кружку, та издала краткое шипение, утопая в остатках кофе.

— Лаборатория твоя зона, — добавила Росс. — Порядок там твоя ответственность.

— В лаборатории порядок, — ответила Танака спокойно. — Стерильно. В отличие от некоторых отсеков.

— Вот и следи, чтобы так и было, — кивнула командир. — С остальным разберёмся.

— Принято, — биолог кивнула и пошла к себе.

Мэл проводила её взглядом и направилась в рубку. День только начинался, а она уже чувствовала, что к вечеру опять не уснёт.

В машинном всё так же пахло маслом и разогретым металлом. Иван лежал под распределительным щитом, выставив наружу только ноги. Матерился тихо, но с чувством и на все лады. Саид вошёл неслышно и встал у верстака.

— С навигационным пультом что-то не то, — подал Хашид голос. — Сбоит синхронизация с силовой установкой. Вчера ещё заметил. Курс плывёт на полградуса, потом возвращается. Сегодня опять, это может быть проблема с реле?

— Дай мне пару минут. Я тут как раз с реле и разбираюсь, — донеслось из-под щита.

Навигатор прислонился к стене, потёр левое веко, но спазм не прошёл, включил планшет и уставился в него. Механик вскоре вылез, сел, вытер руки ветошью.

— Всё, с реле закончил. Теперь можно и твоей панелью заняться, — Волков поднялся, потянулся, хрустнув спиной, уставился на Саида. — Чё глаз-то дёргается?

— Старое, — ответил Хашид, не отрываясь от планшета.

— Это от нервов, — Волков бросил ветошь на верстак и усмехнулся. — Знаешь, у меня на «Антее» случай был. Вахтенного одного, пьяного дурака, на вал затянуло. Помер, естественно. Так он потом приходил по ночам и стучал. Я сначала думал, что подшипник, а потом понял: у подшипника ритм ровный, а тут то часто, то редко. Как будто зовёт. Может, морзянка была, я не помню её, если честно. Вот тогда не только глаз дёргался, но и поджилки тряслись. Особенно когда завывания начались.

Саид поднял глаза от экрана, левое веко забило чаще.

— Ты вот сейчас серьёзно?

— Абсолютно, — механик выдержал его взгляд, скрестив руки на груди, но долго не продержался и расхохотался в бороду. — Да шучу я блядь, шучу. Нет никаких призраков, а то лицо у тебя сейчас было, как у покойника на собственных поминках.

Навигатор зло сощурился, отключил планшет и направился к выходу из машинного отделения.

— Ты давай с панелью разберись, — бросил он через плечо. — Я через час зайду. Мне нужна навигация, а не байки про призраков.

Он ушёл, Иван проводил его улыбчивым взглядом и направился к навигационному контроллеру.

В рубке стоял запах разогретой электроники, Хашид сидел за пультом, проверял орбитальные расчёты. Жэпэ возился с передатчиком, паяльник в одной руке, пинцет в другой.

— Слушай, — заговорил связист, не отрываясь от платы. — У тебя женщина есть?

— Нет, — сухо ответил навигатор.

— Совсем?

Саид оторвался от экранов навигационной панели и повернулся к нему вместе с креслом. Взгляд марсианина уже выражал полное раздражение и не желание разговаривать.

— Тебе это зачем знать?

— Просто, — собеседник пожал плечами, не поднимая глаз от схемы. — Мы тут надолго, надо же о чём-то говорить. О работе как-то скучно.

— Значит, говори о работе, — тем же тоном ответил он, уже всем своим видом давая понять, что не желает общаться.

Ренар поднял голову, тряхнул кудрями, улыбка стала шире.

— А ты забавный. Сидишь, молчишь, цепочку теребишь. Как девственник на первом свидании, — парень усмехнулся. — Женщины нет, дрочишь значит ночами? Или не только ночами?

Хашид медленно встал и подошёл к Жэпэ вплотную, упёрся ладонями в стол по обе стороны от передатчика. Улыбка связиста померкла, но так просто он не хотел отступать.

— Ещё раз про цепочку сказанёшь, — голос навигатора прозвучал тихо. — И на борту будет интересная тема для разговора: Жэпэ с паяльником в жэпэ.

Ренар натянул вновь фальшивую улыбку и поднял руки, демонстрируя капитуляцию. Саид выпрямился и вышел из рубки, не оборачиваясь на надоедливого собеседника.

— Значит дрочит и явно недостаточно, — усмехнулся парень.

Вечером в кают-компании запахло разогретыми концентратами. Грета раскладывала порции, в каждой тарелке одно и то же, ровно, аккуратно. Ужин начался в тишине.

Кеса жевала, витая в своих мыслях, но вдруг опустила ложку. Взгляд пробежался по сидящим и остановился на Иване.

— Слышь, боров, задрал нахер чавкать. Хавальник прикрывай, не в хлеву, блядь.

— Оксаночка, ты на себя посмотри, — ответил механик, утерев бороду от крошек и продолжил жевать. — А то в чужом глазу соринку...

— Слышь, говно, ещё раз сука так назовёшь меня, я тебя вскрою! — её рука по привычке перехватила вилку в более удобное положение для удара.

— Заткнулись оба! Жрать молча, — гаркнула Мэл и ударила кулаком по столу.

Геолог недовольно скривилась и откинулась в кресле. Волков усмехнулся под нос и продолжил есть. Тишина вернулась, только вилки стучали о пластик.

После ужина Грета собирала тарелки. Пальцы женщины дрожали так, что вилка в руке ходила ходуном, вызывая мелодию по краю тарелки. Она вытащила из нагрудного кармана халата блистер, выщелкнула две таблетки, закинула в рот, запила водой из кружки. Саид проходил мимо, задержался взглядом на блистере, на дрожащих пальцах. Медик перехватила взгляд и застыла, лицо сделалось каменным, пустым. Хашид ничего не сказал и вышел, ему было плевать, кто как себя убивает.

Хавьер же остался за столом, когда все разошлись. Достал нож и кусок обшивочного пластика. Лезвие заходило медленно, аккуратно, из-под него проступали очертания женского лица.

Ночь на «Иркалле» ничем не отличалась от дня, те же лампы, тот же гул вентиляции. Мэл обходила коридор. В лаборатории горел свет.

Танака сидела за микроскопом, перед ней стояла кружка с остывшим кофе и полная окурков чашка Петри. Девушка не слышала шагов, только голос:

— Ты всегда по ночам работаешь? — спросила командир.

Биолог подняла голову. Росс стояла в дверях.

— А ты всегда по ночам обходишь? — задала она встречный вопрос, вместо ответа.

— Военная привычка, — пожалала та плечами.

— У меня тоже привычка. Только гражданская, — азиатка снова припала к окуляру. — Плесень с воздуховода. Обычная, мёртвая. Споры неактивны.

— Это хорошо?

— Это нормально.

— Гаси свет, когда закончишь. Иван жалуется на нагрузку, — произнесла женщина, выходя из лаборатории.

— Принято.

В коридоре раздались тяжёлые и медленные шаги, со стороны грузового отсека поднимался Ортега. Командир кивнула, тот молча прошёл мимо. Она проводила его глазами, пока огромная фигура не растворилась в полумраке и дверь первой каюты не закрылась мягким щелчком.

В своей клетушке Мэл открыла планшет. Личные дела экипажа. Пролистала: Ренар, мошенничество. Кесаева, неоднократные нападения и драки. Хашид, непредумышленное убийство. Мюллер, должностное преступление. Волков, непредумышленное. Танака, незаконный оборот. Ортега...

Она пролистнула дальше, добралась до дела Ортеги и остановилась. «Кража в особо крупных» и всё. Ни даты ареста, ни медицинской справки, строки в деле были пусты. Не просто отсутствовали, кто-то вымарал их намеренно, оставив только сухую статью. У остальных пусть куцые, но есть, у этого дыра.

Росс откинулась на подушку. Вспомнила, как он смотрел, не слишком-то уголовно, не затравленно, такие взгляды ей хорошо известны. Смотрел просто темно и молчал. Все молчат, когда не хотят говорить о себе. Только этот молчал иначе, как будто за молчанием ничего не было или было такое, что не покажешь даже в личном деле.

«Кого же корпорация подсунула мне в экипаж?»

Связи с внешним миром не было, Жэпэ ещё не починил передатчик. Как только он закончит, она первым делом запросит расширенную информацию по делу Ортеги. Должно же быть хоть что-то.

Мэл закрыла планшет и натянула одеяло. Утро покажет, если конечно получится уснуть.

Глава 3. Гнилушка

Запах горелого пластика пробрался в каюту через вентиляционную решётку, выдернул Мэл из сна раньше пробудки. Она открыла глаза, полежала ещё немного, слушая, как вентилятор гонит по воздуховодам тёплый воздух с едкой примесью, и села на койке. Командир принялась, запах усилился. Не критичный, но настойчивый, где-то грелся кабель, и грелся давно.

Женщина натянула комбинезон, не застёгивая, вышла в коридор. Основное освещение заливало серые пластиковые панели на стенах ровным жёлтым светом. У двери шестой каюты Росс замедлила шаг, дверь закрыта, за ней была тишина. Ночной стук вспомнился и отпустил, командир пошла дальше.

Из кают-компания тянуло кофейным паром. Юки стояла у плиты спиной к двери. Маленькая, сухая, босиком, ступни с длинными пальцами. Комбинезон висел на плечах, тоже не застёгнутый, биолог придерживала его локтями, помешивая ложкой тёмную жидкость в алюминиевой кастрюле. Рядом на столешнице лежал планшет в потёртом коричневом чехле, стояла чашка Петри с окурками и пачка «Лаки Страйк», мягкая, смятая почти пополам.

Мэл нахмурилась. За прошедший полёт она поняла, что делать замечания заядлой курильнице бесполезно. Азиатка перестанет курить где попало, только если ей оторвать руки и зашить рот. Юки не обернулась, но плечи чуть напряглись.

— Кофе будет через пять минут, — произнесла девушка, не поворачивая головы. — Если можно назвать это кофе.

— Ты вообще спала?

— Два часа, наверное... — Танака поднесла ложку к лицу, посмотрела на каплю, стекающую обратно в кастрюлю. — Драила лабораторию, центрифуга дребезжит, в боксе кто-то хранил смазку для сервоприводов. Пришлось всё мыть более тщательно.

Говорила она спокойно, но пальцы, сжимавшие ложку, чуть подрагивали. У азиатки они дрожали почти всегда: кофеин, никотин, старая ломка, которая никуда не делась, а просто затаилась до следующего раза. Биолог поставила перед командиром кружку. Кофе был горьким, густым, с металлическим привкусом от кастрюли, но всё-таки кофе. Росс обожгла язык и стала ждать.

Первым пришёл Саид, влажные после душа волосы зачёсаны назад с особой тщательностью, ни один не выбился. Пахло от него казённым мылом с резкой хвойной отдушкой. Налил себе кофе, сел напротив, положил планшет на стол и принялся водить пальцем по экрану, что-то высчитывая. Левое веко как всегда подрагивало в нервном тике.

Следом ввалился Жэпэ, лохматые кудри торчали во все стороны, с припухшими со сна глазами, комбинезон расстёгнут до пояса. Кожа бледная, в веснушках, рёбра проступают. Рухнул в кресло, закинул ногу на ногу, потянулся так, что хрустнули позвонки.

— Кофе! — связист всплеснул руками. — Божественный напиток. Кто сварил?

— Танака, — бросила Мэл.

— Юки, я готов на тебе жениться. Прямо сейчас. Прямо здесь, — он растянул губы в широкой улыбке и обернулся к навигатору. — Саид, ты можешь провести церемонию? Ты же у нас марсианин, у вас там свои законы.

— У нас там законы шариата. Многожёнство разрешено, но тебе это не поможет, — Хашид даже не поднял головы от планшета.

— Почему? — искренне удивился парень.

— Потому что ты ей не нужен.

Жэпэ запрокинул голову и громко расхохотался, кудрявая копна подпрыгнула, он пошёл наливать себе кофе. Азиатка на них даже не обратила внимания, будто бы говорили не о ней.

Грета появилась через десять минут. Молча налила кофе, села в дальний угол, выщелкнула из блистера таблетки, проглотила и запила. Пальцы дрожали меньше вчерашнего. Медик поймала взгляд Росс и посмотрела прямо, спокойно, выцветшими голубыми глазами с красной сеткой сосудов. Командир выдержала этот взгляд, и Мюллер отвела взгляд, уткнувшись в свою кружку.

Из грузового отсека донёсся грохот, что-то металлическое упало, покатилося. Густой, как мазут, мат разнёсся по коридору. Мэл со вздохом в один присест допила кофе и пошла на звук.

Кеса стояла у вскрытого геологического контейнера, уперев руки в бока, и смотрела на рассыпавшиеся по палубе буры. Пятно на шее воспалилось сильнее. Видимо, женщина расчесала его во сне, и теперь на корочке опять выступила сукровица с желтоватой примесью.

— Эта сука тщедушная не закрепила контейнер, — выдохнула она, кивая на рассыпанное. — Жэпэ блядь. Вчера помогал тащить ящик и не защёлкнул замок. Я этого утырка нахер уроню в шахту при первой же возможности.

— Сначала найди шахту. Помощь нужна? — спокойно проговорила Мэл.

— Сама блядь с этим говном справлюсь, — фыркнула геолог. — Хочешь сделать что-то хорошо, сука делай это сама.

Кесаева опустила на колени и принялась собирать инструмент. Буры были длинные, композитные, с алмазным напылением, каждый в отдельном пенопластовом ложе. Движения у неё, как обычно, выходили резкие и злые. Женщина бубнила ругательства себе под нос. Командир стояла, разглядывая её, но спрашивать ни о чём не стала.

— Через час выходим на орбиту. Готовься. Первая высадка — континент А, «Гнилушка». Бери пробоотборники, буры, контейнеры для образцов.

— Гнилушка, — с язвительной усмешкой повторила Кеса. — Бля, какой имбецил вообще додумался назвать континент Гнилушкой?

— Картографический отдел. Ты бы видела, как они называли остальные, — пожала Росс плечами.

— Как же?

— Стекланный и Волны.

— Фантазия у них... блеск, ну хоть говном не называли, — Кеса усмехнулась, сплюнула на палубу. — А то прикинь, какой пиздец был бы в личном деле. Исследовала говно, за это и получила помилование.

Геолог заразительно засмеялась, но командир не поддержала её.

Рубка связи помещалась на верхней палубе. Небольшое помещение, заставленное консолями с потрескавшимися экранами, стойками ретрансляторов и кабельными лотками, из которых пучками торчали разноцветные провода. Воздух здесь был сухим, горячим, с металлическим привкусом, старые усилители грелись даже в режиме ожидания. В углу, на откидном стуле, Жэпэ склонился над разобранным передатчиком.

Устройство лежало на спине, корпус снят, платы вытащены, микросхемы разложены ровными рядами на антистатическом коврик. Связист держал в одной руке паяльник, в другой пинцет с крошечным конденсатором и насвистывал что-то под нос. Мелодия вертелась знакомая, старая песенка про дождь, но конкретно он вспомнить не мог. Дверь открылась и внутрь вошёл Хашид, остановившись на пороге, поправил зачёс, волосы на висках уже начали пушиться. После уже оглядел разгром на столе.

— Ты сколько уже с ним возишься? Когда связь будет? — спросил марсианин. — Мне нужны постоянные обновления по космическому пространству, чтоб в нас что-нибудь не врезалось.

— Когда эта малышка перестанет притворяться мёртвой, — парень даже не обернулся, паяльник коснулся платы, зашипела канифоль, взвился белый дымок. — Усилительный каскад сгорел. Нашёл аналог в запчастях, но не подходит по вольтажу. Пришлось перепаявать резисторы. Теперь не хватает одного конденсатора, — Ренар помахал пинцетом. — Десять микрофарад, танталовый. Мелочь, а без него усилочек не работает.

— В корпоративных завалах должно что-то быть, — проговорил Саид. — Спроси у Хавьера, найдёт по спискам.

— Да я уже нашёл, чай не беспомощный мальчик, — Жэпэ крутанулся на стуле, на лице расцвела широкая улыбка, обаятельная и совершенно фальшивая. — Из медицинского сканера, у Греты. Старушка и не заметит.

— Ты украл деталь из медицинского оборудования? — переспросил Хашид, решив, что ослышался.

— Обижаешь, одолжил. Временно, — улыбка стала ещё шире. — Конденсатор там дублирующий, для резервного контура. Сканер работает и без него. Почти. Ну может, точность чуть упадёт... — он развёл руками с простодушным выражением лица. — Пара процентов максимум, от этого явно никто не умрёт.

Саид прислонился плечом к дверному косяку, скрестил руки на груди. Левое веко дёрнулось сильнее.

— Ты понимаешь, что если Мэл узнает, то три шкуры с тебя спустит?

— А кто ей расскажет? — Жэпэ демонстративно выгнул бровь. — Ты?

— Может, и я, — сухо подтвердил навигатор.

— Не расскажешь, — усмехнулся собеседник и отвернулся к передатчику.

Связист вставил конденсатор в гнездо, принялся припаивать контакты. Движения в работе, в отличие от него самого, у него были точные, аккуратные. Неожиданно аккуратные для человека, который всегда выглядел так, будто только что упал с кровати.

— Ты, Саид, хороший мусульманин, а хорошие мусульмане не стучат.

— Я не мусульманин, — чуть более резко, чем того хотел, проговорил Хашид.

— Да ладно? — связист обернулся через плечо, прищурил светло-карие глаза. — А молитвы по углам? Думаешь, никто не замечает? Ну и ты просил не говорить о цепочке, поэтому не буду.

Навигатор выдержал его взгляд. Лицо осталось спокойным, но пальцы сами потянулись к шее, коснулись золотой звезды, после чего спрятали её под воротник.

— Я не молюсь, а цепочка просто цепочка, — твёрдым голосом заявил собеседник и фыркнул. — Просто подарок. От брата.

— Ага-ага, — Жэпэ вновь расплылся в улыбке и вернулся к пайке. — А я просто связист и конденсатор просто конденсатор. Всё просто, Саид. Так и живём. Только вот даже мухи долбят просто так. Ага.

Он затащил последний контакт, дунул на плату, поднял передатчик. На кончике носа блестела капелька пота. Рукав комбинезона сбился, обнажая тощее предплечье с россыпью веснушек и тонким выцветшим от времени шрамом поперёк запястья.

— Это откуда? — кивнул Хашид на шрам.

— Что? — Ренар опустил глаза на белёсую полоску, улыбка на секунду дрогнула. — А, это. Драка. В Марселе. Присунул какой-то бабе в сортире бара, а у неё хахаль такой же как ты унылый был, — привычная улыбка вновь напознала на его лицо. — Давненько было, ещё до всего этого.

— До того, как ты сдал своих и их перестреляли? — уточнил Саид, уголки губ дрогнули.

Улыбка исчезла с лица парня совсем. Он отложил паяльник, вытер руки о штаны, посмотрел на собеседника. Тишина между ними растянулась.

— У каждого есть своё прошлое, — голос прозвучал ровно, без обычной дурашливой интонации. — У тебя тоже, иначе бы ты здесь с нами не чалился.

Навигатор ничего не ответил. Левое веко задёргалось чаще обычного. Привычным движением он поправил зачёс и молча вышел.

— Ну точно дровича какой-то, — проговорил Жэпэ сам себе и снова засвистел.

Паяльник коснулся платы, канифоль зашипела.

Орбита К-447b встретила их белёсой дымкой. Мэл стояла в рубке за спиной Саида, глядя на главный обзорный экран. Планета висела в пустоте: серо-зелёный шар, укутанный облаками, с двумя видимыми континентами, ледяной шапкой на южном полюсе и россыпью островов архипелага в экваториальной зоне. Красивая и чужая.

— Орбита стабильная, — навигатор не оборачивался, пальцы летали над сенсорами консоли. — Высота четыреста двадцать, наклонение тридцать два градуса. Для высадки на Гнилушку то что надо. Погода в районе посадки хреновая: облачность низкая, ветер до двадцати метров в секунду, осадки. Маслянистые.

— Маслянистые? — переспросила Росс.

— Так зонды передали, дождь не водяной, какая-то органика. Спектрометр показал длинные углеводородные цепочки, — собеседник поправил зачёс. — Скафандры после высадки придётся драить очень тщательно.

Мэл кивнула. Планета К-447b была странной. Орбитальные зонды зафиксировали признаки единой экосистемы, не разрозненные биомы, как на Земле или других колонизированных мирах, а что-то вроде планетарного организма. Грибница. Огромная, древняя, пронизывающая планетарную кору на километры вглубь. Два видимых континента и архипелаг — три разные формы существования этой грибницы. Континент А «Гнилушка» — серо-зелёные леса, мицелиальные структуры, споры в атмосфере. Континент Б «Стеклянный» — пустыня из кремниевых конкреций, вся органика погибла тысячи лет назад. Архипелаг «Волны» — студенистые колонии в мелководных лагунах, проявляющие коллективное поведение. Ледяная шапка на юге, под которой, если верить данным георадара, тоже что-то было.

— Связь с базой? — спросила командир.

— Пока никак, но я уже близко. Передатчик почти дышит, дай мне ещё сутки, — донёсся голос Жэпэ за спиной.

— Вчера ты также говорил, — раздражённо ответила ему женщина. — Сутки, не больше,

— Обещать не могу, но постараюсь, — с явной улыбкой, что начинала уже бесить всех, ответил парень.

— Готовь челнок, вылет через два часа, — отдала Мэл приказ Саиду. — Состав первой высадки: я, Юки, Кеса. Остальные на борту.

Хашид кивнул и его пальцы снова забегали по консоли, челнок, пристыкованный к «Иркалле», ожил. Командир же спустилась на среднюю палубу, дошла до лазарета.

Грета стояла у стерильного бокса, перебирала скальпели и зажимы. Пальцы двигались с точностью, которую не мог скрыть даже тремор.

— Как лазарет?

— Дерьмо, — медик отложила зажим, взяла следующий. — Сканер калиброван хрен знает когда. В холодильнике кто-то хранил образцы грунта. Инструменты ржавые. Если кому-то понадобится операция... Я сделаю, но шансы будут как в полевом госпитале под обстрелом.

— Примерно пятьдесят на пятьдесят? — спросила Мэл и вовремя остановила усмешку.

— Примерно как повезёт.

Грета обернулась, квадратное лицо, глубокие морщины, выпцветшие голубые глаза. Вытащила из пачки сигарету, сунула в рот, посмотрела на командира. Прикуривать не стала, так и держала, перекачивая фильтр губами.

— У тебя всё? — спросила Мюллер, взгляд снова стал пустым, словно она смотрела сквозь собеседницу.

— Пока всё, — недовольно ответила Росс, смерив медика взглядом.

Не команда, а школьники с сигаретами, что прячутся по углам от мамы.

— Тогда иди. Мне ещё инструменты стерилизовать, — пробормотала собеседница и всё же отложила сигарету под строгим взглядом командира.

В лаборатории пахло кофе и реактивами. Юки укладывала контейнеры для проб в поясной ранец для скафандра, сверяясь со списком на экране. Дверь открылась без стука, но она уже знала, кто это. Хавьер стоял на пороге, в руке держал новую маленькую белёсую фигурку с женским лицом и закрытыми глазами.

— Возьми, — протянул он её. — На удачу.

Танака отложила ранец, взяла фигурку, рассмотрела. Такая же, как та, что она нашла у двери после первой ночи, или почти такая же: лицо немного отличалось, чуть иначе наклонено, крылья-руки раскинуты под другим углом.

— Спасибо, — единственное, что пришло ей в голову, как ответ.

Азиатка поставила фигурку на стол, рядом с микроскопом. Грузчик же кивнул и вышел.

Челнок «Калипсо» отстыковался в четырнадцать двадцать по бортовому времени. В грузовом отсеке перед вылетом было шумно и тесно. Кеса в полной выкладке: скафандр, нашлемный фонарь, геологический ранец с пробоотборниками, проверяла крепления буров, тихо матерясь сквозь зубы. Биолог стояла рядом, уже в скафандре, но с открытым забралом, и перемещала контейнеры для образцов, сверяясь со списком в планшете. Мэл застёгивала шлем. Хавьера было не видно, он где-то в трюме разбирал корпоративный хлам, грохот ящиков эхом разносился по всему отсеку.

«Калипсо» нырнул в атмосферу через сорок минут. Спуск вышел жёстким, облачность над Гнилушкой оказалась плотнее, чем предсказывали зонды. Челнок трясло, Росс чувствовала каждый позвонок. Кеса сидела в кресле второго пилота, вцепившись в подлокотники, и смотрела прямо перед собой. Юки, пристёгнутая к откидному креслу позади, что-то записывала в планшете, толстые пальцы в перчатках двигались неуклюже, но она всё равно писала.

Вскоре челнок ударился о грунт, подпрыгнул, снова ударился и замер, накренившись на левый борт. Динамик зашипел голосом Саида:

— «Калипсо», подтвердите посадку.

— «Иркалла», посадку подтверждаю. Мы на поверхности. Начинаем высадку. Отбой, — командир отстегнула ремни, подошла к шлюзовому тамбуру, за внешней дверью ждала планета, повернувшись к остальным скомандовала. — Забрало опустить. Выходим.

Воздух Гнилушки ударил в экран шлема серой пеленой и Мэл сошла с аппарели первой. Ботинки утонули в мягком и податливом ковре, не почва, не песок, а сплошная серо-зелёная органика, похожая на мох, но не мох. Он пружинил под ногами, как губка, от каждого шага в стороны разбегались медленные волны. В воздухе висела белёсая дымка, видимость метров двадцать. За ней угадывались силуэты: высокие, тонкие, с изогнутыми под неестественными углами стволами, крон у которых не было. Вместо них спутанные жгуты, свисающие до земли и теряющиеся в ковре органики. С них капало что-то густое и маслянистое, оставляя на серо-зелёном покрове тёмные пятна.

Кеса спустилась следом и огляделась. Рефлекторно сплюнула, забыв про шлем, коричневая слюна растеклась по внутренней стороне забрала мутным пятном перед левым глазом. Женщина выругалась, дёрнула головой несколько раз, но слюна не стекла.

— Гнилушка, блядь. Вот название более чем оправданное, — раздражённо проговорила она, после присела на корточки, ткнула пальцем в серо-зелёный покров. — Органика сплошная, давление минимальное, но держит. Интересно, какая толщина слоя.

— Возьми пробу и узнаешь. Мы вообще-то для этого здесь, — Росс кивнула на бур.

Танака спускалась последней, остановилась у края аппарели, глядя на серо-зелёный лес. Командир следила за ней. Кесаева, уже взявшая первую пробу, выпрямилась и тоже смотрела. Биолог направилась вперёд, огибая то место, где геолог взяла грунт, и направилась к ближайшему стволу. Хотела взять соскоб со жгута, тот как раз удобно свисал на уровне её груди. Под ногами пружинил ковёр, азиатка старалась ступать осторожно, но всё равно несколько раз проваливалась носком в мягкую толщу.

До жгута оставалось шага три, когда нога Юки ушла в ковёр глубже, чем она рассчитывала. Видимо, под поверхностью оказалась пустота, размытая дождём. Девушка потеряла равновесие, взмахнула руками, планшет вылетел из пальцев и шлёпнулся в органику в метре от неё. Она же рухнула на одно колено и рефлекторно выбросила левую руку вперёд, хватаясь за ближайшую опору. Этой опорой оказался жгут.

Пальцы в перчатке сомкнулись на маслянистой поверхности. Жгут резко дёрнулся, как живая мышца. Из места захвата брызнула густая желтоватая жидкость и растеклась по рукаву скафандра, потекла к запястью. Танака отдёрнула руку, выпрямившись, стряхнула и вытерла перчатку о бедро, жёлтое пятно размазалось по серой ткани.

— Живой сука, — произнесла Кеса тихо, глядя на жгут. — За задницу себя схватить не даёт.

— Всё в порядке? — Мэл подошла ближе к биологу.

— Да, — Юки подобрала планшет и скривившись принялась счищать с него органику. — Нога подвернулась. Скафандр цел. Всё в порядке.

— Проверь герметизацию, — приказала Росс.

Азиатка подняла левую руку, повернула запястьем. На внутреннем дисплее шлема у всех троих высветился статус: давление стабильное, герметизация не нарушена.

— Норма. Повезло, а то был бы глупый прокол на первой же высадке, — нервно улыбнулась Танака.

— Угу, — геолог хмыкнула. — Глупый не глупый, а за местную хуергу лучше не хватайся. Пробу-то возьми теперь с красавчика, раз уж обнялась с ним.

Биолог не ответила, наклонилась, достала из ранца пробоотборник. Ввела иглу в маслянистую каплю на конце жгута, набрала жидкость, убрала капсулу в контейнер, после чего сделала пометку в планшете.

Они работали примерно два часа: Кеса взяла пробы грунта с трёх глубин, на метре бур упёрся во что-то твёрдое, слоистое, похожее на спрессованный мицелий; Юки собрала образцы спор из воздуха, соскобы со стволов, капли маслянистой жидкости со жгутов и фрагмент самого жгута, место среза тут же затянулось прозрачной плёнкой; Мэл координировала, вела съёмку, отмечала на карте места забора проб и каждые десять минут вызывала «Иркаллу». На исходе второго часа небо заметно потемнело, дымка сгустилась, видимость упала, ветер усилился, стал дуть резкими и хлёсткими порывами. Со жгутов сорвалась первая маслянистая капля дождя, ударила Росс в плечо и растеклась по скафандру жирным следом.

— Сворачиваемся. Буря идёт, — отдала приказ командир.

Бегом вернулись к челноку. Кеса задраила аппарель, Мэл запустила деконтаминацию. Зелёная лампа зажглась над внутренней дверью. Все трое стянули шлемы. Стерильное пространство тамбура наполнилось запахом пота и разогретым пластиком. Геолог вытерла лицо рукавом и наконец сплюнула на палубу.

— Бля если на других континентах такое же говно, то я требую надбавку за вредность. Это пиздец какой-то.

Мэл не ответила, она смотрела на Юки. Та сидела на откидном кресле, не снимая скафандра до конца, и разглядывала левую руку. На тыльной стороне запястья, там, где перчатка прилегала к коже, проступало свежее, яркое, красное пятно.

— Это что? — спросила командир.

— Раздражение, — ответила азиатка. — Уплотнитель скомкался, два часа тёр, пока мы работали, ничего страшного.

— У тебя рукав был мокрый, после контакта со жгутом, — напонила очевидное собеседница.

— Жидкость на рукав попала, не на кожу. Герметизация в норме, ты сама видела, — Танака подняла глаза на собеседницу, в голосе прорезалось раздражение. — Я биолог, в отличие от тебя. Знаю технику безопасности и как работать в скафандре тоже, хоть и гражданская. Если бы был прокол, мы бы все заметили. У Кесы на шее вон такое же пятно.

Женщина обернулась, посмотрела на руку Юки. Машинально почесала своё пятно, расчесанное, воспалённое, с желтоватой корочкой, и пожала плечами.

— Ага, у меня дерматит, хронический сука. От уплотнителя шлема как раз. Врачи ещё на станции сказали: будет обостряться при каждой вылазке, — уточнила Кесаева. — А у неё чё? Ну, похоже, что натёрла за два часа, бывает. Уплотнители в этих моделях говно и стекловата какая-то.

— Я проверю, в лаборатории. Возьму соскоб, посмотрю под микроскопом, — уже не скрывая раздражения, проворчала биолог под пристальным взглядом Росс. — Если что, приму антигистамин или чего посерьёзнее. Я не дура вообще-то.

— Возьми и мне доложи, — кивнула командир и отвернулась к панели управления.

Челнок вздрогнул, отрываясь от поверхности, и плавно пошёл вверх, к «Иркалле». В иллюминаторе Гнилушка съёживалась, превращаясь в серо-зелёное пятно, укутанное дымкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.